

УДК 94(4)

САХИБГОРЯЕВ Вадим Хасанович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Восточного государственного университета (685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13; vadim-50@rambler.ru)

КОТОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и профессионально-педагогического образования Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; cat0016@yandex.ru)

ПОНЕДЕЛКОВ Александр Васильевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70; ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

ИМАГИНАТИВНАЯ ПРИРОДА ФЕНОМЕНОЛОГИИ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» НА УКРАИНЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема «оранжевой революции», феномен которой создает своеобразную систему ценностей и приоритетов, обрастает собственной идеологией и мифологией и воспринимается как народный, т.е. имеющий массовую социальную базу. Авторы рассматривают «оранжевую» и подобные революции в т.ч. как переворот культурного свойства, как опыт массовой переидентификации. Новые, созданные революцией ценности рассматриваются авторами через призму имажинативного абсолюта, что способствует рождению «немного другого народа», становлению нового национального сознания, способствует воображаемому единству. Авторы отмечают, что подобный процесс сопровождается масштабным искусственным разрывом сложившихся представлений об историческом континууме и создает условия для прогресса на Украине филофашистских идей и движений. Кризис «оранжевой революции» на Украине, таким образом, очерчен не одними лишь многочисленными фиаско в области практического преобразования социально-политической и экономической инфраструктуры общества, но системным господством иррационального, наполняющего массовое сознание, поклонением деструктивным ценностям.

Ключевые слова: Россия, Украина, оранжевая революция, мифология, переидентификация, фашизм, массовое сознание

Многочисленные события, происшедшие на Украине в связи с так называемой оранжевой революцией, являются, пожалуй, новым, но не уникальным феноменом современности. Технология «оранжевой революции» достаточно хорошо описана и уже не представляется тайной или загадкой. В последние годы в разных регионах земного шара без видимых причин прошли более или менее удачные попытки смены не только властных элит, но и политических систем. Даже беглый взгляд на антуражи и сценарии этих «революций» позволяет установить как минимум два важных обстоятельства.

1. Системное разнообразие исходных условий, причин и предпосылок, культурных кондиций «оранжевых» бунтов при почти сходных сценариях может говорить о некоей технологии, которая имеет и цель, и автора и при этом нуждается в ресурсах, а также, так сказать, в менеджменте.

2. Применение данных технологий является частью обширного плана, цели которого могут, как представляется, предполагать инициирование контринтеграционных процессов.

Это позволяет сделать вывод о том, что «оранжевые революции» есть пример спровоцированных бунтов, искусственного возмущения социальных процессов, дезорганизации социально-политических систем. Как показывает практика, подобные социальные катаклизмы не только наносят ощутимый ущерб согласо-

ванному развитию межгосударственных отношений, действующим нормам международного права, но зачастую оборачиваются деградацией целых государств, связанной с развертыванием масштабных гуманитарных катастроф, многочисленными и весьма кровавыми локальными конфликтами.

Опыт наблюдения за данными процессами позволяет утверждать, что любая революция не есть лишь ценный опыт социального творчества человека, стремящегося к более полноценной и достойной жизни. Она несет в себе богатый этический потенциал, создает своеобразную систему ценностей и приоритетов, обрывает собственную идеологию и мифологию. И в этом смысле любая революция представляет собой не только практический итог массового социального творчества, комплекс рядоположенных событий, их причин и последствий, но и некий переворот культурного свойства, опыт массовой переидентификации. Особый интерес в этом смысле представляет многострадальная Украина, которая за несколько лет новейшей истории успела пережить сразу две «оранжевые революции», два «майданных бунта». Однако по характеру притязаний на глубину социальных преобразований, по уровню поляризации и радикализации взглядов, самой претензии на окончательное обретение национального достоинства так называемый второй Майдан выглядит своеобразным завершением ранее начатого процесса, собственно революцией.

Украинская «оранжевая революция» на первый взгляд может быть воспринята как народная, т.е. имеющая массовую социальную базу. Она всколыхнула народ Украины, одарила его надеждой на позитивные перемены и получила существенную массовую поддержку. Граждане Украины возлагали на нее большие надежды. Их интересы, как представляется, формировались вполне осознанной необходимостью ликвидировать тотальную коррупцию, преодолеть многочисленные тупики социально-экономического и политического развития, стремлением к широкой интеграции с сообществом европейских стран. К этому, собственно, призывали и вожди майдана. Однако «оранжевые технологии» стимулировали появление совершенно иных эффектов, способствующих превращению внутренних конфликтов во внешние. При этом задачи социального реформирования, социальной перестройки общества, как показывает время, динамично замещаются оборонительными националистическими идеологиями и лозунгами, мифами о «внешнем враге», а социальные противоречия и дефекты развития обретают вид непреодолимых без предварительной выработки неких новых критериев национальной идентичности. Манипулятивность данных процессов очевидна. Революционный порыв направляется в сторону Российской Федерации, а внутренние проблемы обретают комплементарный характер, а отчасти просто забываются. Социальный хаос, правовое запустение способствуют возрождению украинского национализма в его наиболее неприемлемых, уродливых филофашистских формах. Повсюду процветают расправы над неугодными, население терроризируют «народные мстители» из «Правого сектора» и уголовники всех мастей, создаются добровольные экстремистские вооруженные формирования необандеровцев, преследующих всех, кто сочувствует российскому и русскому. Представляется совершенно очевидным, что в результате общая политическая ситуация деградировала до состояния затянувшейся гражданской войны.

В результате «оранжевая революция» достигает несомненных успехов не в деле социальной перестройки общества, снижении уровня коррупции, инфраструктурном и культурном сближении с Европой, а именно в создании мощной национально-оборонительной антироссийской идеологии, основанной на мастерски сфабрикованных мифах, новой имажинативной (Я.Э. Голосовкер) идентичности. Произвольная смесь социально-революционной и национально-

освободительной риторики, системные иждивенческие послылы в сторону Запада, делегирование ему собственного суверенитета, раздувание мифа об оккупации Украины раскололи общество, но в то же время явили феномен массовой переидентификации. Иными словами, в ничтожно короткий промежуток времени трудолюбивый, доброжелательный и жизнерадостный народ принимает систему ценностей, во многом опровергающую и опрокидывающую прежнюю, что лишь подтверждает положение Юргена Хабермаса о том, что «коллективные идентичности скорее создаются, чем бывают данными» [Хабермас 2005: 200].

Современная украинская идентичность в целом складывается из апологетики, т.е. на системе защиты всего «украинского», а как следствие – на абсолютной идеализации антирусского, антисоветского, антироссийского. Искусственная поляризация «российского» и «украинского» как бы дополняет комплекс представлений «среднего» добродетельного человека, давно и твердо определившего свое отношение к вечным оппозициям, так сказать, универсальным бинарным структурам: «есть Бог – нет Бога», «добро – зло», «враг – друг», «ночь – день», «любовь – ненависть» и т.д. Отсюда и складывающийся стереотип поведения, при котором принятая «умом и сердцем» часть оппозиции становится непреходящей, «врожденной» ценностью, а отторгнутая заслуживает пренебрежительного, враждебного отношения. И дело совсем не в отсутствии полутонов и сложных опытах рационального в создании «украинского варианта картины мира», а в нарастающих кризисных противоречиях между «украинским» и общечеловеческим.

В этой связи вполне приемлемым становится не только общая демонизация России, но и попустительский взгляд на проблему прогресса на Украине фашистских идей и движений. А ведь именно фашизм, отношение к фашизму является одним из фундаментальных критериев современной политической и духовной культуры. В силу этого становится актуальным силлогизм: все, что наносит урон России, все, что находится в оппозиции основам российской идентичности, не только полезно практически, но и в определенных условиях может быть принято для формирования собственных критериев идентичности. При этом осуществляется масштабный искусственный разрыв сложившихся представлений об историческом континууме и разрушается картезианская система оценок исторического прошлого. Так, Бандера, Шухевич и другие одиозные фигуры недавней истории Украины рисуются современной украинской идеологией не пособниками нацизма, а борцами со сталинизмом, т.е. героями гипотетического противостояния, якобы издавна существующего между Украиной и Россией.

«Западный вектор» способствует актуализации националистических настроений в целом ряде государств, имевших даже непродолжительное историческое общее с Россией в широком смысле – будь то Россия Романовых, СССР или Российская Федерация. К ним можно отнести и большинство государств бывшего «социалистического лагеря», и некоторые ныне суверенные субъекты постсоветского пространства. Такой точечный, селективный национализм, «синдром старшего брата» представляется скорее не одним лишь желанием стать частью европейского суперэтнуса, западной экономико-социальной инфраструктуры, что в принципе понятно и не предосудительно, а осознанной необходимостью оплаты за «широкие объятия Запада». Показательным примером этому служит фраза из одного из официальных документов Латвийской социал-демократической партии (декабрь 1928 г.): «...если выбирать между советской властью и фашизмом, то лучше выбрать фашизм» [Крысин 2007: 33]. Так понимался принцип суверенитета, а именно как поиск того, кому можно даровать

свою свободу. В настоящее время данный выбор осуществляется на практике. Фактически действует пока ни кем не провозглашенный принцип «нового суверенитета», напоминающий риэлтерский слоган: «Продается страна, недорого, без ремонта!» Миф о деструктивности России буквально вынуждает воспринимать ее как глобальное препятствие на пути культурного развития Украины и некоторых других государств постсоветского пространства, их интеграции в общеевропейские процессы. Анализируя данную ситуацию, отечественные исследователи В.П. Зиновьев и Е.Ф. Троицкий приходят к следующему выводу: «Украинское население находится под мощным прессом националистической пропаганды и террора, а сама Украина — под властью конкурирующих олигархических группировок, общие рамки соперничества которых определяются в Вашингтоне. Украинская экономика — на грани коллапса, а страна — на грани распада, так как Украина нарушила главное условие своего существования как государства — поддержание отношений добрососедства и сотрудничества с Россией» [Зиновьев, Троицкий 2015: 214].

Купирование филофашистских настроений, как показывает практика, не является ценностной и юридической необходимостью для Запада. Исследуя современную западную цивилизацию, известный современный философ А.А. Зиновьев приходит к неутешительному, но вполне очевидному выводу: «Западное общество является по сути своей расчетливо-прагматичным» [Зиновьев 2007: 313]. А это означает, что общепринятые ценности есть имажинативный абсолютизм, борьба за который не знает представлений о целях и средствах. Это лишь проекция чего-то идеального, недостижимого, повод для применения силы, механизм продления и расширения господства, миф, которым наделяется любая человеческая общность, готовая пожертвовать суверенитетом.

Собственно, общепринятые, общечеловеческие ценности для современного Запада не фундируются лишь универсальной в своей сущности либеральной доктриной прав и свобод личности. Запад для многих стран, вставших на путь либеральных реформ, есть фундаментальный образ благополучия и благоденствия. Сведение идей свободы и материального благополучия в единое целое формирует ложное представление о том, что любое осуществление либеральных преобразований непременно приведет к материальному благоденствию. По мнению А.А. Зиновьева, «главным суммарным мотивом западного общества в его современном состоянии является принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения» [Зиновьев 2007: 315]. Достижением данного стандарта для многих представителей украинского общества могло стать механическое включение Украины в состав Евросоюза без каких-либо дискуссий об экономической отсталости этого государства и стандартных процедур.

Возможно, поэтому препятствия, с которыми столкнулась Украина, стремясь стать полноценным членом Евросоюза, а значит автоматически принять высокие экономико-социальные стандарты жизни, выразившиеся в предупреждениях со стороны РФ о возможном пересмотре принципов торгово-экономических связей, стали ведущим раздражающим фактором. Необходимость защитить собственные рынки вынудили руководство РФ сделать соответствующие предупреждения. Однако данное обстоятельство стало сюжетом для рождения мифа о российском метаколониализме, о России, которая не пускает Украину в Евросоюз. Так появился враждебный образ «ватника», прозябающего в условиях средневекового абсолютизма, не пускающего украинца в «просвещенную и обильную Европу». Так появился образ «младшего брата», иждивенчески уповающего на помощь Запада, надеющегося на то, что «нам дадут», «нас примут», «нам помогут», «нас спасут», «нам сделают» и т.д. Невозможность быстрого осуществления желания стать представителем «обще-

ства избытия», общества «золотого миллиарда» послужила причиной нарастания антироссийских настроений, фактически – украинского национализма. Возникает противоречие, которое до сих пор игнорируется современными властителями дум Украины: с одной стороны, Украина стремится к интеграции, а с другой – стимулирует дезинтеграционные процессы. Евросоюз, таким образом, рискует принять в свои ряды нового члена, основой государственной идеологии которого является национализм.

Препятствия, которые Россия якобы конструирует Украине, представляются препятствиями выбора жизненного пути, системы ценностей, стереотипа поведения, историко-культурного самоопределения, самих основ идентичности. Это способствует актуализации архаических форм миропостижения, обращению к мифологии о первопредках, временах творения. Так возникает многослойный симбиоз аргументов, образов, символов, взглядов и воззрений, представленных как современным социальным мифом, так и фундаментальным сакральным вымыслом о временах творения. В ряду символических структур массового сознания современной Украины, таким образом, соседствуют «великие укры», «злые ватники», «москальи-окупанты», «герои небесной сотни», «мученик Степан Бандера» и т.д. Мотив обособления раскрепощает массовое сознание и возвращает его в юнговское пространство пробуждающихся национальных архетипов, реанимирует архаические способы выстраивания критериев идентичности. Мощное желание современного украинца, опровергая рациональное знание, позволяет представить украинский народ едва ли не основоположником цивилизации и культуры.

Новая «оранжевая идеология» потребовала не только сложной онаученной концептуализации идеи героического и созидательного исторического прошлого украинского народа, но и производства сакрального мифа творения, возносящего украинца к самим истокам общечеловеческой культуры. Становится свершенно объяснимым возврат к «методологии летописца» и полный отказ от научной методологии, когда возникает необходимость оправдания абсурда. Так, научное творчество замещается «творчеством вообще», когда вымысел не только допустим, но необходим, поскольку он образует моральный императив, стоящий много выше логических противоречий.

Современный национальный «миф Украины» имеет сложную структуру. Он многослоен, поскольку несет в себе идею «вечной конфронтации» с Россией, которая, собственно, и выступает фундаментальным препятствием национального развития, идею первопредков, основавших, как минимум, славянский суперэтнос, а в идеале – всю цивилизацию. В нем есть фактически сакральное отношение к обитаемому пространству, поскольку Восток воспринимается как неминуемая безысходность и прозябание, а Запад – как гарантированный прогресс и расцвет культуры. В нем есть призыв к движению, миграции, великому «духовному переселению» в сторону Запада, в благодатные и обильные ландшафты. В нем есть и надежда на спасение, и вера в правильно сделанный выбор. Характерной особенностью современного «мифа Украины» является его иконичность, т.е. система языковых абстрактных знаков и схем, претендующих на адекватное описание объектов реальности. К числу таких речевых штампов, икон относится «украинский язык», которым на самом деле не владеют даже некоторые члены правительства, «антитеррористическая операция на Донбассе», которая на самом деле является карательной, «Михаил Саакашвили», единственным «достоинством» которого всегда была болезненная русофобия, «Украина – це Европа», где географическое понимание высказывания противоположно политическому, и т.д. Существенным дополнением «мифа Украины», его особенностью выступают иллюкативные акты, высказывания, связанные с

непосредственным выполнением действия. К ним можно отнести многочисленные популистские обещания президента Порошенко, угрозы «вернуть Крым». Ярчайшим примером иллюкативного акта стала речевка: «Кто не скачет — той москаль!», а также любые призывы к люстрации. Не менее важны в технологиях мифотворчества на Украине и инхотивные речевые обороты, означающие и описывающие начало неких процессов: «Украина входит в Евросоюз», «Украина отказывается от российского газа», «Украина начинает реформы» и т.д. Наконец, «миф Украины» формирует специфическое паратопическое пространство, т.е. то самое пространство, в котором и разворачивается квалифицирующее испытание, в котором создаются и обретаются необходимые компетенции. Оно означено речевой формулой «революция достоинства» — специфическим украинским самоназванием «оранжевой революции». Украина, таким образом, очерчивает государственные границы не в географических, а в духовных пределах, фактически — во всех ландшафтах, где происходит акт приобщения к «мифу Украины». Именно в паратопическом пространстве происходит трагическое и насильственное языковое обособление Украины, украинской культуры. Политика «прославляемого» различия русского и украинского языков, отречения от исторической роли русского языка в формировании украинского, начиная с XV в., доведена до абсурда, принимая форму радикального языкового шовинизма на Украине. Процесс культивации независимости Украины породил беспощадную кампанию по ликвидации русского языка на территории Украины, нестерпимое желание запретить родной язык большинства граждан Украины в реальной, а не имажинированной прошлой и настоящей жизни государства, спровоцировавшие новоукраинский культурный феномен «языковых фанатиков».

Миф будто ведет народ, перемещая его в пространстве трансцендентального, направляя его к первоистокам. «Осуществив в воображении (в мифе, сказке, фантазии) нечто невозможное в мире действительном» [Голосовкер 1986: 120], миф становится абсолютно желанной реальностью, значительно более важной, чем сама действительность. Так работает закон имагинации (воображения), предложенный Я.Э. Голосовкером, суть которого, на наш взгляд, — в неустрашимом свойстве фантазии произвольно возмещать дефициты, создаваемые рациональным знанием. Создавая имагинативную реальность, человек таким образом обретает свой комфортный воображаемый мирок и получает ответы на мучительные вопросы, неразрешимые в действительности. Вместе с тем новые системы культурных символов «порождают некое воображаемое единство и благодаря этому способствуют осознанию жителями одной и той же государственной территории их взаимопринадлежности, до сих пор остававшейся абстрактной и опосредованной лишь юридически» [Хабермас 2005: 277].

Синкретическая, многослойная, в какой-то степени агрессивная мифология «постреволюционной Украины» едва ли имеет отношение к аутентичному отражению сути событий прошлого и настоящего, однако она имеет непосредственное отношение к реальности. Она формирует «твердую породу» национального сознания, претендует на определение векторов будущего культурного движения целого народа, способствует «культурной интеграции», «воображаемому единству» (Ю. Хабермас). Она как бы имеет отношение к рождению «немного другого народа». Вместе с тем она формирует мифологическую реальность, оппозиционную эмпирической, создающую ложные представления, порождающую избыточные надежды, устремляющую к несуществующим перспективам.

Кризис «оранжевой революции» на Украине, таким образом, очерчен не одними лишь многочисленными фиаско в области практического преобразования социально-политической и экономической инфраструктуры общества, но

системным господством иррационального, наполняющего массовое сознание, поклонением деструктивным ценностям.

Список литературы

- Голосовкер Я.Э. 1986. *Логика мифа*. М.: Наука. 216 с.
- Крысин М.Ю. 2007. *Прибалтийский фашизм. История и современность*. М.: Вече. 576 с.
- Зиновьев А.А. 2007. *Запад*. М.: Алгоритм; Эксмо. 512 с.
- Зиновьев В.П., Троцкий Е.Ф. 2015. Российско-украинские отношения на современном этапе. – *Русин. Международный исторический журнал*. № 4(42). С. 205-216.
- Хабермас Ю. 2005. *Политические работы*. М.: Праксис. 368 с.

SAKHIBGORYAEV Vadim Khasanovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, North-Eastern State University (13 Portovaya St, Magadan, Russia, 685000; Vadim-50@rambler.ru)

KOTOV Sergei Vladimirovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Technologies and Professional Pedagogical Education, South Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; cat0016@yandex.ru)

PONDELKOV Aleksandr Vasil'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

IMAGINATIVE NATURE OF THE PHENOMENOLOGY OF THE ORANGE REVOLUTION IN UKRAINE

Abstract. The article deals with the problem of an orange revolution, a phenomenon that creates a kind of system of values and priorities, acquires its own ideology and mythology, and is perceived as national and having a mass social base. The authors consider orange revolution and others like that, as an upheaval of cultural properties, as the experience of mass identification changes. The authors examine these new values through the prism of imaginative absolute that contributes to the birth of a little bit of other people, becoming a new national consciousness, which contributes to an imaginary unity. The authors also note that this process is accompanied by a large-scale artificial rupture of established notions about the historical continuum and creates the conditions for the progress of fascist ideas and movements in Ukraine. The crisis of the orange revolution in Ukraine thus is outlined not only among numerous fiasco in the sphere of practical transformation of socio-political and economic infrastructure of the society, but in the dominance of irrational, filling mass consciousness, and worship of destructive values.

Keywords: Russia, Ukraine, orange revolution, mythology, re-identification, mass consciousness, fascism

---